

Д-р Дэйв Мэтьюсон, Литература Нового Завета, Лекция 11, Иоанн и притчи

© 2024 Дэйв Мэтьюсон и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэйв Мэтьюсон, представляющий историю и литературу Нового Завета, лекцию 11 об Иоанне и притчах.

Хорошо, давайте начнем с молитвы, а затем я надеюсь закончить наше обсуждение отдельных Евангелий. Мы очень быстро посмотрим на Джона.

Опять же, все, что я надеюсь сделать, это просто выделить некоторые особенности этого Евангелия по сравнению с синоптическими Евангелиями от Матфея, Марка и Луки. И затем я хочу немного поговорить об одной из отличительных форм учения Иисуса – притчах. Я хочу немного поговорить о том, как мы читаем и интерпретируем параболическую литературу.

Как мы понимаем и читаем притчи Иисуса? К какому литературному жанру или типу литературы они относились? И как это влияет на то, как мы их читаем? И снова, в пятницу мы, надеюсь, к пятнице, закончим собирать все Евангелия воедино. Что мы узнаем об Иисусе? Что подчеркивается в Евангелиях относительно того, кто такой Иисус и как мы должны реагировать на него и реагировать на личность Иисуса Христа? Итак, начнем с молитвы, а потом посмотрим на Евангелие от Иоанна, четвертое Евангелие.

Отец, мы просим пронизательности и мудрости, когда очень кратко и очень быстро размышляем над отрывками Нового Завета. Господь, я молюсь, чтобы мы были лучше подготовлены к тому, чтобы перечитать ее с более глубоким пониманием. Мы будем лучше подготовлены к тому, чтобы ответить Твоему Сыну Иисусу Христу в соответствии с тем, как Священное Писание призывает от нас своих читателей. Во имя Иисуса мы молимся, аминь.

Хорошо, четвертое Евангелие, также известное как Евангелие любимого ученика. И опять же, я уверен, что именно так он выглядел, но нет, некоторые из вас могут узнать в этом икону предполагаемого автора четвертого Евангелия. Теперь первый вопрос, мы поговорим об этой фразе, об авторе или ученике, любимом ученике, ученике, которого Иисус полюбил всего за мгновение.

Но отправной точкой является отметить, и мы вернемся к этому позже и спросим, почему это так, а просто прежде всего отметить явные различия, хотя их не следует преувеличивать, преувеличивать и переоценивать. -оценочно, но нельзя не заметить отчетливых различий между Иоанном, четвертым Евангелием, и первыми тремя, так называемыми синоптическими Евангелиями, поскольку их следует рассматривать вместе, они имеют литературное родство.

Но Джон, похоже, совсем другой. Фактически, он был настолько другим, что ранние христиане часто называли Евангелие от Иоанна более духовным или более богословским из четырех Евангелий.

И вы можете видеть, что в некотором смысле это может быть правдой. Я бы не хотел сказать, что Матфей, Марк и Лука не богословы, но когда вы их читаете, это, знаете ли, Матфей, Марк и Лука, как будто вы чувствуете, что больше разбираетесь в богословских вопросах. история. Когда вы доберетесь до Иоанна, окажется, что происходящее окружено еще большей загадкой, и все не так просто, как то, что вы найдете у Матфея, Марка и Луки.

Опять же, это не означает, что Матфей, Марк и Лука не богословы. Да, но у вас просто появляется отчетливое ощущение, что вы читаете что-то совсем другое, когда читаете Джона. Например, вы заметили одну вещь: хотя есть некоторое совпадение, по большей части большая часть материала, который вы найдете у Иоанна, не встречается у Матфея, Марка и Луки.

Кроме того, словарный запас тоже очень разный. Но когда Иоанн заставляет Иисуса говорить, говорить или проповедовать, он заставляет его говорить так, как вы не найдете в синоптических Евангелиях. Итак, мы спросим, может быть, хотя бы очень кратко исследуем, почему Иоанн так отличается от трех других Евангелий? Кто был автором? Опять же, как и другие три Евангелия, четвертое Евангелие строго анонимно.

То есть нигде в Евангелиях автор не говорит нам, кто он такой. Единственный намек, который вы получаете, — это упоминание об ученике, которого любил Иисус, или о любимом ученике, или о любимом ученике, отсюда и мое название «Евангелие от любимого ученика». Опять же, все, что я хочу сказать, это то, что в четвертом Евангелии было гораздо больше споров о том, кто на самом деле его написал.

Опять же, традиция прикрепила имя Иоанн к четвертому Евангелию, хотя проблема в том, что некоторые из ранних отцов церкви, которые писали об авторстве Иоанна, авторстве четвертого Евангелия, упомянули, что там, по-видимому, есть ссылка на более одного Джона. Итак, мы не можем быть уверены. Кажется, есть Иоанн Старший.

Там есть отсылка, явно Иоанн Апостол. Итак, ведутся небольшие споры о том, кто именно написал Иоанна, хотя традиционно существовало серьезное основание считать Иоанна, Апостола Иисуса, поскольку это была традиционная точка зрения на авторство четвертого Евангелия, следовательно, Евангелие согласно Джону в наших современных английских переводах. Но опять же, это название, по мнению Иоанна, очень рано было закреплено за Евангелиями, но первоначально автор не написал его на первой странице своего Евангелия.

Но история церкви на протяжении очень раннего периода приписывала это Евангелие Иоанну, и обычно его приписывали Иоанну, апостолу Иисусу, о котором мы читаем в Евангелиях. Какова же цель написания этой книги? В отличие от других Евангелий, Иоанн на самом деле выходит и говорит нам, ближе к самому концу своего Евангелия, в главе 20 и стихах 30 и 31, что Иоанн сразу же выходит и рассказывает, почему он написал. Хотя даже это немного широко, внутри этого могут быть более конкретные цели или конкретные способы достижения своей цели.

Но начиная, это глава 20 стих 30, к самому концу своего Евангелия, говорит автор, теперь Иисус совершил много других знамений в присутствии своих учеников, которые не написаны в этой книге. Опять же, это ясно показывает вам, как писали авторы Евангелий. У них был доступ к большому количеству информации о том, что говорил и делал Иисус, но они не включили ее всю, и об этом нам говорит Иоанн.

Он сказал, что Иисус совершил много других знамений, которые я не включил в эту книгу. Почему? Ну, возможно, ему не хватило места, но, возможно, он избирателен. Он выбирает те вещи, которые передают то, что он хочет сказать об Иисусе.

И затем он продолжает и говорит: но все это, то, что написано, все это написано для того, чтобы вы поверили, что Иисус есть Мессия, Сын Божий, и что через веру вы сможете иметь жизнь во имя Его. . Итак, Иоанн говорит нам, что все эти истории были включены, чтобы убедить читателей в том, что Иисус действительно Мессия, и, уверовав в него, они получают вечную жизнь. Они будут иметь жизнь, веруя во имя Иисуса.

И на самом деле, слово вечная жизнь очень распространено, как мы вскоре увидим у Иоанна. Итак, я бы подвел итог: возможно, цель написания Иоанна состоит в том, что он хочет не только зародить веру, но и укрепить веру в своих читателях, чтобы заставить их убедить их в том, что Иисус действительно является Мессией, которым, по его словам, он был, и, следовательно, укрепите их веру в Него, чтобы они могли унаследовать вечную жизнь, которую Иисус предложил за свой народ. Также возможно, что у Иоанна могла быть и евангелизационная цель, что он мог предоставлять материал своим христианам в их апологетических и, возможно, евангелизирующих усилиях среди евреев и евреев-нехристиан.

Это тоже возможно. Одним из акцентов в Евангелии от Иоанна является тот факт, что Иисус одержал победу, он победил. Помните такие стихи, как «Я победил мир», что, возможно, еще раз предполагает, что Иоанн был написан

для того, чтобы укрепить, заставить читателей сохранить свою веру в Иисуса Христа, чтобы они унаследовали вечную жизнь, которую обещает Иисус.

Теперь, опять же, я хочу очень быстро пройти по Иоанну и дать вам почувствовать, чем он отличается от Матфея, Марка и Луки. Во-первых, первой отправной точкой является первая глава Иоанна и первые 18 стихов. Первые 18 стихов в некотором смысле представляют собой пролог.

Фактически, они могли быть даже написаны после того, как была составлена остальная часть Евангелия. Автор использует его, чтобы дать представление о том, как он хочет, чтобы вы читали остальную часть его Евангелия. Итак, Иоанна 1 и первые 18 стихов, такого рода пролог, начинаются с вступления, слово начинается в начале, что интересно, эта фразеология напоминает 1-ю главу Бытия. В начале Бог сотворил небеса и земля.

Так вот, в начале было Слово, и это слово явно относится к Иисусу Христу. И мы будем говорить об этом языке слов, но там говорится: «В начале было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог». Там говорится о том, что Слово было во многом отвергнуто, но это Слово, Слово также становится плотью.

Он становится человеком в главе 1, стихе 14, версии рождественской истории Джона. Это Слово, которое было у Бога и было Богом, теперь становится плотью и обитает среди Его народа. Это своего рода введение в Евангелие от Иоанна.

Что важно в этом прологе, так это вот что. Прежде всего, Иисуса называют или называют словом, и мы поговорим об этом подробнее, но идея, лежащая в основе слова или логотипа, заключается в том, что основной акцент делается на Иисусе как на том, кто открывает Бога. Итак, Слово или логос предполагает, что на самом деле это слово, как мы увидим, вероятно, вышло из Ветхого Завета.

Слово *logos* или Слово относилось к речи Бога или говорению Бога, но были и другие возможные ассоциации, но это слово явно относится к Иисусу Христу, и Иоанн ясно отождествляет это слово с самим Богом. Иоанн, как мы увидим позже, из четырех Евангелий Иоанн наиболее четко отождествляет Иисуса Христа, Слово, с самим Богом, и он делает это правильно с самого начала. Итак, Иисус — это слово, речь, речь Бога, и это Слово отождествляется с Богом в стихе 14 и становится плотью.

Другими словами, становится человеком. Теперь, что важно в этом, второй момент - это слово, которое было Богом, а теперь становится плотью, человеком, поэтому подходит, чтобы раскрыть Бога, или является тем, кто открывает Бога. И опять же, возможно, именно поэтому Иоанн выбирает слово «логос» или «Слово», потому что он хочет подчеркнуть, что Иисус — это самооткровение Бога.

Иисус — это само раскрытие того, кем является Бог. И так, в первой главе, в самом последнем стихе этого пролога, в первой главе, стихе 18, говорится: никто никогда не видел Отца, Бога Отца. Это исходит из Ветхого Завета.

Вы найдете это в нескольких местах. Никто не видел Отца, но Иоанн говорит, кроме Единородного, сего слова, открывающего Его. И так, Иоанн говорит: кто лучше может познать Бога, чем тот, кто одновременно является Богом, логосом, кто есть Бог, но кто теперь стал человеком в стихе 14.

И так, поскольку Он одновременно и Бог, и человек, Иисус способен раскрыть, полностью раскрыть и раскрыть, кто такой Бог. Это почти как если бы Иоанн сказал: если вы хотите знать, как выглядит Бог, вы посмотрите на Иисуса Христа, потому что Иисус — это Слово, потому что он — Бог, теперь он оснащен, чтобы раскрыть, кто такой Бог. И вот, невидимый Бог, опять же, Бога никто не видел, Ветхий Завет.

Невидимый Бог теперь стал видимым в личности Иисуса Христа, который стал плотью, который был Самим Богом, но теперь стал плотью в главе 1, стихе 14. Поэтому в главе 1 этот пролог в первых 18 стихах, в В этом разделе Иисус в некотором смысле действует как мост между Богом и человечеством. Опять же, это тот, кто одновременно является Богом, в начале было слово, слово было у Бога, слово было Бог, но теперь это слово в стихе 14 стало плотью.

Таким образом, слово «Иисус Христос» устраняет пропасть между Богом и человечеством. Единственный, кто может это сделать, — это тот, кто одновременно является и Богом, и человечеством, это слово, которое теперь стало плотью. Вот как, в каком-то смысле, Иоанн хочет, чтобы мы читали остальную часть Евангелия.

Нам нужно понять, когда бы мы ни встретились с Иисусом в Евангелиях, мы будем понимать Его как само откровение Божие, само раскрытие и речь Бога, но в то же время как Того, Кто как человек полностью раскрывает и раскрывает Бога своему народу и устраняет этот разрыв между Богом и человечеством. Кроме того, в первых 18 стихах вы обнаружите, что возможные ответы Иисусу уже изложены. Там сказано: Бог, Иисус, Слово стало плотью, Он пришёл в мир, но свои отвергли Его.

Но потом он продолжает и говорит: а тех, кто верит в него, Бог называет своими детьми. Те, кто верят в него, имеют право называться сыновьями или детьми Бога. Так что даже разные отклики на Иисуса, которые мы читаем в остальных Евангелиях, уже отмечены в прологе.

Итак, пролог рассказывает нам почти все, что нам нужно знать о чтении остальной части Евангелия, особенно о том, кто такой Иисус и как он будет действовать как тот, кто открывает Бога, тот, кто является Богом, кто становится человеком, который раскрывает в видимой форме, кто такой Бог, и кто требует ответа веры и послушания. Итак, есть ряд ключевых отрывков, которые я хочу, опять же, просто дать вам намек на то, что особенного есть в Евангелии от Иоанна. Опять же, я не собираюсь подробно рассказывать об этих отрывках.

Первый, первый ключевой текст, который большинству из вас, вероятно, знаком, — это глава 3. Глава 3 — это история о том, как человек, фарисей по имени Никодим, приходит ночью к Иисусу и расспрашивает его о том, чему учит Иисус, и спрашивает его о том, чему учит Иисус. что требуется для входа в Царство Божие. В итоге получается довольно пространное учение Иисуса в ответ на вопрос Никодима. И, конечно же, вы узнаете этот отрывок.

Именно здесь находится знаменитое Иоанна 3:16, ибо Бог так возлюбил мир, что дал Своему сыну. Это сказано в ответ на вопрос Никодима о том, кто такой Иисус и что он делает. Итак, узнайте главу 3. Опять же, вы не найдете этого ни в одном другом Евангелии, но Иисус противостоит или сталкивается ночью с фарисеем и вступает с ним в разговор, человеком, фарисеем по имени Никодим.

Глава 4. Глава 4 — это история самаритянки, которая встречает Иисуса у колодца, или, точнее, Иисус встречает самаритянку у колодца. И большинство из вас хорошо знают эту историю. По сути, самаритянка в конечном итоге отвечает верой Иисусу.

Но, надеюсь, вы поняли, что не только в тот день Иисусу было бы неуместно встречаться наедине с женщиной в такой обстановке, но и тот факт, что она также была самаритянкой. И что вообще Иисус делал в Самарии? Любой еврей знал, что ты избегаешь этого места. Итак, глава 4, самаритянка у колодца.

В ваших заметках я пропущу следующий раздел, главу 6, и сразу перейду к главам с 14 по 17. Главы с 14 по 17 представляют собой довольно пространную беседу об Иисусе. Опять же, этого вы не найдете ни в одном другом Евангелии.

Это последние наставления Иисуса, своего рода его последние слова, его последние слова в его последнюю ночь со своими учениками перед тем, как Иисус был распят и казнен не намного позже этого. Итак, главы с 14 по 17 представляют собой довольно длинную беседу или раздел, в котором Иисус обучает своих учеников, часто называемую беседой в горнице, где Иисус встречался в горнице, чтобы отпраздновать Пасху со своими учениками, а затем он пользуется этой возможностью, чтобы учить их. в натуральную величину. Наконец, глава 21.

В каком-то смысле мы только что прочитали главу 20 и стихи с 30 по 31, где Иоанн рассказывает нам, почему он пишет. Я написал все это для того, чтобы вы знали и верили, что Иисус есть Христос, и, поверив, вы могли иметь жизнь во имя Его. . На этом было бы уместно закончить Евангелие, но есть еще одна глава. А в главе 21 происходит ряд вещей.

Здесь записано явление воскресшего Иисуса своим ученикам. Но в этом разделе есть очень интересная история, где Питера восстанавливают. Иисус является Петру, и если вы хорошо помните эту историю, о чем Иисус спрашивает Петра? Он спрашивает его об этом три раза.

Да, Иисус спрашивает Петра, ты любишь меня? И все три раза Питер отвечает: да, верю. Но вот что интересно, почему одного раза не хватило? Как вы думаете, почему Иисус трижды спросил Петра, любит ли он его? Потому что он предал его трижды. Итак, я думаю, что причина, по которой он трижды спрашивает, любит ли он его, хотя Петр все три раза отвечает правильно, причина, по которой Иисус спросил его три раза, заключается в том, сколько раз Петр отрекся от Иисуса.

Итак, главу 21 можно рассматривать как своего рода существо Петра, после отречения от Иисуса, теперь Петр восстановлен в должности, трижды исповедав свою любовь к Иисусу, что соответствует тому факту, что он трижды отрекся от Него ранее. Опять же, глава 21 не имеет аналогов в других синоптических Евангелиях и трех других Евангелиях. Другая уникальная особенность Иоанна, которую вы также не найдете в других Евангелиях, — это так называемые высказывания «Я есмь».

Там, где Иисус делает несколько утверждений, «Я есть», а затем предикат «Я есть» обычно является своего рода метафорой. Я дверь, я овца, прости, я добрый пастырь, я свет миру, я хлеб жизни. Иисус говорит метафорически и приравнивает себя к определенным образам.

И что здесь важно, так это то, что эти образы взяты из Ветхого Завета и часто применялись к самому Богу. Итак, в одном отношении эти утверждения «Я Есть» являются утверждениями о божественности Иисуса. Характерные черты Бога в Ветхом Завете теперь применимы к Иисусу Христу, когда он говорит: «Я пастырь».

Ну, в Ветхом Завете Бог был пастырем Израиля, или Я есть свет, что явно было прерогативой самого Бога и т. д. и т. п. Вот, например, такие утверждения Я Есть. В 6-й главе, 35-м стихе Иисус говорит: «Я — хлеб жизни».

В главе 8 я свет миру. Глава 10, Я дверь. Я истинная дверь, и никто не входит, кроме как через меня.

Еще один: «Я — пастырь добрый», глава 10. Опять же, я просто следую порядку текста Иоанна. Я добрый пастырь.

И, надеюсь, теперь вы понимаете, что это можно понимать метафорически. Иисус, очевидно, не мог буквально быть всем этим одновременно. Я есть воскресение и жизнь.

И, наконец, я свет миру. Я есть путь, истина и жизнь. Итак, одной из характерных особенностей Джона являются утверждения «Я Есть».

И опять же, все они определяют важную особенность того, кем является Иисус и его миссия. И большинство из них, вероятно, восходят к Ветхому Завету, где черты, относящиеся к Богу, теперь Иисус претендует на себя. Итак, будьте способны идентифицировать утверждения «Я Есть».

Меня не очень интересует, чтобы вы получили точный стих, в котором они встречаются, но, конечно, я должен знать, уметь идентифицировать эти шесть утверждений «Я Есть», встречающихся в Евангелии от Иоанна. О, есть еще один. Мне жаль.

Я знал, что их семь. И это может быть намеренно. Я не знаю, что их семь.

Итак, я истинная лоза. Опять же, в Ветхом Завете Бог был лозой, и Израиль также был лозой. Но опять же, это слова, применимые к Богу и Израилю.

И теперь Иисус требует этого для себя. Настолько разные утверждения «Я Есть», которых опять же нет в Евангелиях. Теперь, когда мы спрашиваем, когда он спрашивает, что уникального в Евангелии от Иоанна? Кроме того, я только что просмотрел несколько текстов и материалов, которые вы найдете в Евангелии от Иоанна, которых нет в синоптиках, но что уникального в учении Иоанна? Как Иоанн изображает Иисуса иначе или, по крайней мере, в большей степени подчеркивает что-то, чего вы не нашли в других Евангелиях? Во-первых, Иоанн уникален тем, что он придает особое значение божественности Христа.

Мы уже видели это в главе 1. Другими словами, не преувеличивая разницу, было бы неправильно сказать, что синоптические евангелия от Матфея, Марка и Луки не считали Иисуса Богом или не изображали его таковым. способ. Это было бы неправильно. Но, конечно же, Иоанн открыто и ясно идентифицирует Иисуса как Бога.

Акцент на божественности Иисуса. Опять же, в главе 1, стихе 1, в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Позже Иисуса обвинят в богохульстве, потому что он приравнивает себя к Богу.

Итак, пару раз Иисус что-то скажет, и фарисеи подберут камни, чтобы убить его, потому что он богохульствует. Он приравнивает себя к Богу. Позже один из учеников Иисуса, Фома, сомневающийся, когда он, наконец, понимает, обращается к Иисусу как к моему Господу и моему Богу.

И даже помимо этого, есть места, из которых ясно, что Иоанн хочет, чтобы вы поняли, что Иисус — это само откровение Бога. Он сам Бог, даже не называя его так. Например, вернемся к версии рождественской истории Иоанна, глава 1, стих 14: Слово стало плотью и обитало среди нас, и мы видели Его славу.

Многие люди могут пропустить то, что два слова в этом стихе — «жить» и «слава» — встречаются вместе в других местах Ветхого Завета и относятся к Богу, обитающему в Своей скинии или в Своем храме. И теперь эти два слова применяются к Иисусу, как будто Иоанн снова говорит: в личности Иисуса присутствует Бог. Божье присутствие в Скинии теперь присутствует и среди Его народа, в лице Иисуса Христа.

Так что даже это является сильным утверждением божественности Иисуса, того факта, что он Бог, хотя автор в этом стихе не называет его Богом. Но очевидно, что Иоанн подчеркивает Иисуса как Бога, божественность Иисуса, и иногда именно поэтому Иоанна считают более богословским или духовным евангелием. Опять же, было бы неправильно сказать, что синоптики Матфей, Марк и Лука не интересовались Иисусом как Богом.

Да, но Джон старается привлечь к этому внимание и подчеркнуть это. Мы уже говорили о слове, или логосе, как титуле, который Иоанн использует для Иисуса, особенно в главе 1. Он несколько раз называет Иисуса логосом, слово в начале было словом, слово было у Бога. слово было Бог, слово стало плотью и т. д. Опять же, Иоанн, возможно, использовал это слово, потому что оно имело ряд резонансов.

То есть он, возможно, использовал это, потому что люди из разного происхождения поняли бы это. Например, я уже говорил, что слово логос в греческом переводе Ветхого Завета употреблялось в речи Бога. Логос, или Слово, можно было просто использовать для речи Бога и для откровения Бога о Себе.

Итак, это подходящее имя для Иисуса Христа. Итак, в еврейском мире, когда люди слышали это слово, они думали о речи Бога и о Боге, говорящем с ними, о

речи, о самой речи и речи Бога. С другой стороны, в греко-римском мире также использовалось слово «логос».

Трудно сказать, что именно из этого имел в виду автор, но, например, помните, еще в начале семестра мы говорили о разных греко-римских религиях, и одной из них был стоицизм. Стоицизм – это вера в то, что в основном все предопределено, природа и физический мир – это все, что существует, и ключом к жизни является оставаться довольным и просто принимать вещи такими, какие они есть, не быть восприимчивыми к крайним эмоциям и реакциям и просто Быть довольным. Часть их мышления, часть мышления стоиков, заключалась в том, что они верили, что физический мир оживляется логосом.

Логос — это термин, обозначающий жизненный принцип, который оживлял все творение. И думает ли так Иоанн или нет, как бы говоря: ну, это не логос стоицизма. Иисус Христос — истинный свет мира, наполняющий мир.

Думал ли он об этом или нет, я не уверен, но в то же время Иоанн выбрал слово, которое было бы уместно не только в еврейском мире, но и в греко-римском мире. Но опять же, это характерная особенность Джона. В синоптиках вы этого не найдете.

Вы не найдете, чтобы они называли Иисуса логосом или словом, но Иоанн это делает. Третий акцент заключается в том, что Иоанн подчеркивает, что то, что Иисус приносит и предлагает своим последователям, — это вечная жизнь. Интересно, а какая в синоптиках была основная терминология, которую используют синоптические Евангелия от Матфея, Марка и Луки для описания того, что принес Иисус? Мы потратили немного времени на обсуждение этой маленькой фразы.

Когда Иисус впервые появляется на сцене, он говорит: покайтесь, потому что что? Что он предлагает людям? Царство Божие, Божье царствование и правление. Интересно, что хотя Иоанн действительно использует эту фразу «Царство Божье» или «Царство», Иоанн предпочитает использовать название «вечная жизнь», чтобы описать то, что предлагает Иисус. Опять же, это, вероятно, восходит к ветхозаветной жизни.

Вечная жизнь была жизнью нового творения, жизнью, которой народ Божий будет наслаждаться в новом творении, и теперь Иисус предлагает именно эту жизнь своим читателям. Возможно, их можно объединить так: то, что Иисус предлагает в качестве вечной жизни, — это жизнь, которой люди будут наслаждаться, когда Бог установит Свое правление, Свое правление и Свое Царство. Но опять же, что интересно, синоптики подчеркивают Царство Божие.

Иоанн подчеркивает вечную жизнь как то, что Иисус предложил и принес. Святой Дух является ключевой темой в Евангелии от Иоанна, особенно в одном из отдельных мест Евангелия от Иоанна, в главах с 14 по 17, помните, что мы говорили об Иисусе, его прощальной речи, его последних словах, обращенных к ученикам. Иисус обещал, что Святой Дух придет вместо Иисуса.

Другими словами, после ухода Иисуса Святой Дух в каком-то смысле занял его место. Итак, Иисус обещает Святой Дух вместо него, что дальнейшее присутствие Иисуса со своими последователями будет осуществляться через Святого Духа. Святой Дух будет тем способом, которым Иисус будет присутствовать со своими последователями после того, как Иисус покинет их и вознесется на небеса.

Итак, акцент на Святом Духе, который оставил бы Иисус. Вы обнаружите, что Лука также делает упор на Святом Духе, но особенно это делает Иоанн, особенно в главах с 14 по 16. Еще один важный акцент в Иоанне заключается в том, что Иоанн устанавливает эти противоположности.

Другими словами, все его Евангелие пронизано дуализмом. Одной из причин этого может быть то, что Джон, возможно, пишет своего рода сектантской группе, то есть группе, в которой идея такова, что дела стали настолько плохи, что они видят себя в очень черно-белых терминах, мы и они. . Возможно, дуализм Иоанна отражает тот факт, что вещи представляют собой своего рода противоположности или очень черно-белые, и это порождает различия в Евангелии Иоанна.

Так , например, вы обнаруживаете дуализм между верхом и низом. Вы всегда обнаружите, что Иоанн говорит о том, что сверху, или о том, что снизу. Свет и тьма как резкие противоположности, мир характеризуется тьмой, а Иисус и его последователи характеризуются светом.

Жизнь и смерть — очевидная противоположность. Но опять же, вы обнаруживаете этот дуализм, эти резкие противоположности, проходящие через все Евангелие, что опять-таки может быть связано с читательской аудиторией Иоанна. Евангелие от Иоанна, возможно, зародилось в какой-то сектантской среде, где читатели видели себя в этих резких контрастах со своими врагами или противниками.

И опять же, это может быть отражено в таком языке. Вот что отличает Евангелие от Иоанна по сравнению, в частности, с синоптиками. Возможно, для его усиления.

Да, возможно, он написал, чтобы усилить или, по крайней мере, отразить то различие, о котором они думают. Мы вернемся к Евангелию от Иоанна, когда

доберемся до 1-^{го}, 2-^{го} и 3-^{го} посланий Иоанна, Иоанновых посланий, которые появятся позже. Мы вернемся и спросим, как они относятся к Евангелию от Иоанна.

Так почему же Джон так отличается от других синоптиков? Я имею в виду, просто подумай немного. Может ли кто-нибудь придумать какие-либо причины, почему это могло бы... Опять же, читаешь Матфея, Марка и Луки, и иногда у тебя возникает чувство дежавю. Я был здесь раньше.

Я видел этот материал. Некоторые из этих вещей просто повторяются в трех Евангелиях. Затем вы доходите до Джона и словно читаете что-то другое.

Даже некоторая лексика в том, как Иисус учил и говорил, внезапно исчезает, когда вы доходите до Иоанна. Просто поразмыслив, каковы могут быть некоторые причины, по которым Иоанн так сильно отличается от других синоптических евангелистов? Я имею в виду, он их не знал, или Джон своего рода ренегат? Он собирается уйти сам. Каковы могут быть причины, по которым Джон кажется таким особенным и непохожим? Хорошо.

Это было написано гораздо позже. Некоторые относят Иоанна к концу первого века, например, к 90 году нашей эры. Другими словами, либо Евангелие от Иоанна, либо Откровение имеют наибольшие шансы стать последней написанной книгой Нового Завета. Итак, вы правы.

Возможно, будучи гораздо более поздней книгой, она может быть адресована совсем другой ситуации, совсем другой аудитории и обстоятельствам, и именно это побудило Иоанна написать нечто отличное от других синоптических евангелий. Иоанн, возможно, предполагал, что есть три других Евангелия или что один из них имеет общие знания о Евангелии, и теперь он собирается написать нечто иное. Некоторые даже предполагали (трудно сказать), что Иоанн действительно знал трех синоптиков и просто хотел написать что-то, сильно отличающееся от этих трех.

Итак, я думаю, вы правы. Иоанн, вероятно, предполагает общее знание Евангелий, возможно, даже синоптических, и теперь он собирается написать нечто совершенно иное. Еще одна вещь, помните, что мы говорили вместе с этими предложениями, что может объяснить большую часть разницы в языке.

Помните, мы недавно говорили о различных литературных типах Нового Завета? Есть повествование, послание и апокалипсис, книга Откровения. Одна из вещей, которые мы сказали о повествовании, которое очень, очень отличается от нашего времени, заключается в том, что когда дело дошло до записи речи кого-то еще в первом веке, действительно не было никаких попыток или желания сохранить точную формулировку этого человека.

Фактически, опять же, если Иисус в основном говорил на арамейском языке, у нас нет точных слов, потому что у нас есть греческие переводы того, что Иисус сказал в Евангелиях. Но даже более того, писатели первого века были более заинтересованы в обобщении и сохранении направленности, акцента и сути того, что кто-то сказал, а не в сохранении точных формулировок. Таким образом, вы часто обнаруживаете, что они своими словами и словарем резюмируют то, что сказал известный исторический человек.

Так возможно ли, что часто в Евангелии от Иоанна мы обнаруживаем, что это, возможно, собственное изложение Иоанном в его собственном стиле, его собственном словаре того, что сказал Иисус. Одна интересная вещь: когда вы читаете 3-ю главу Иоанна, мы говорили об Иисусе и Никодиме. Когда вы читаете 3-ю главу Иоанна, Иисус начинает общаться с Никодимом, но довольно скоро все, что Иисус начинает, похоже на этот монолог.

И проблема в том, что неясно, где заканчивается Иисус. Где Иисус перестает говорить и где Иоанн возобновляет и начинает комментировать сказанное Иисусом? Не ясно. И снова причина в том, что Иоанн снова дает свое собственное изложение на своем родном языке, в своем стиле, на своем словарном запасе, точное изложение того, что сказал Иисус.

И во многом этим, опять же, часто можно объяснить различия Иоанна между синоптиками, особенно в языке, который он использует. Опять же, Иоанн может использовать язык, который выявляет богословские идеи и темы, которые Иоанн хочет подчеркнуть и которым учил Иисус. Итак, по этим причинам могут быть и другие причины.

По этим причинам Иоанн, кажется, пишет нечто совершенно отличное от трех других Евангелий. Опять же, если кто-то заинтересован в этом, я рекомендую еще одну книгу Крейга Бломберга. Я рекомендовал его книгу о синоптических Евангелиях, об исторической достоверности Евангелий.

Он написал еще одну книгу под названием «Историческая достоверность Евангелия от Иоанна». Он пытается продемонстрировать то, что я только что сказал: различия между Иоанном и синоптиками не означают, что Иоанн быстро и вольно играл с фактами и был исторически неверным и ненадежным, но он пытается продемонстрировать, что есть причина считать Евангелия от Иоанна исторически достоверными, наряду с синоптиками Матфеем, Марком и Лукой. Итак, если вы хотите продолжить это, я дал вам информацию в ваших заметках о книге Крейга Бломберга «Историческая достоверность Евангелия от Иоанна».

Хорошо, это действительно все, что я хочу сказать о Евангелии от Иоанна. Опять же, я просто пытаюсь подчеркнуть, какие акценты или некоторые тексты и

разделы Иоанна являются для него отличительными и уникальными, чего вы не найдете в других синоптиках, и как бы дают вам ощущение то, что Иоанн, кажется, подчеркивает на протяжении всего своего Евангелия. Теперь, прежде чем мы продолжим, я хочу очень кратко поговорить о притчах, что это такое и как мы их читаем, но есть ли еще вопросы по Евангелию от Иоанна? У вас не будет проблем.

И, кстати, на экзамене многие вопросы предназначены для того, чтобы вы могли сравнивать и противопоставлять четыре Евангелия: от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Что особенного в четырех Евангелиях? Какова их тематика, как они структурированы, говорим ли мы об этом, или что особенного в том, как они изображают Иисуса? По сути, единственное, что вам нужно запомнить, — это главы. Например, я особенно думаю об этом слайде.

Моя философия — использовать образы города. Если вы сможете найти блок, вы, вероятно, сможете найти и дом. Итак, я предполагаю, что если у вас есть Библия и вы можете получить главу, вы, вероятно, сможете найти и этот стих.

Итак, это означает, что меня больше интересует, чтобы вы получили основные главы, в которых находятся эти вещи. Итак, я не собираюсь спрашивать вас, в каком стихе, в какой именно главе и стихе это находится, но я мог бы спросить вас об этих главах. Я мог бы попросить вас определить, что находится в этих главах, или я мог бы попросить вас определить, какие главы охватывают эти разделы в Евангелии от Иоанна.

То же и с другими Евангелиями. В основном я сосредоточусь на более широких главах, а не на конкретных стихах. Одним из характерных способов обучения Иисуса в Евангелиях были притчи, особенно у Луки и Матфея, но также и в других Евангелиях.

Иоанн, в частности, полон всевозможных символических образов и фигур речи, которые использует Иисус, но я хочу немного поговорить о притчах и о том, как мы их читаем. Поскольку они являются столь преобладающим средством обучения Иисуса, что нам с ними делать? Как нам следует их читать? И это зависит от понимания того, какую литературу использует Иисус, когда говорит. Первое, что следует сказать о притчах, это то, что притчи не были уникальными для Иисуса.

Он не придумывал притч. Притчи были основой учения раввинов. Итак, Иисус следовал общепринятому способу обучения, которому следовало бы большинство еврейских раввинов.

Итак, то, что Иисус делает с ними, или послание, которому он учит, очень уникально, но притчи Иисуса и даже образы, встречающиеся в притчах об овцах,

или управителе, или управляющем, или хозяине, о том, что растение, горчичное зерно, то есть не только для Иисуса. Это был обычный образ, который раввины использовали в своих притчах. У нас есть английские переводы некоторых притч, которым учили раввины, и опять же, они очень похожи на учение Иисуса, по крайней мере, по форме.

Опять же, различие заключается в послании, которому учил Иисус, и в том, что он делал с притчами. Но, прежде всего, при толковании притч Иисуса раньше было принято трактовать притчи Иисуса как эти очень подробные аллегории. Под этим я подразумеваю рассмотреть притчу во всех подробностях, чтобы найти в ней какой-то духовный аллегорический смысл.

Итак, всякий раз, когда вы читаете притчи Иисуса, откуда мне знать, что делает Иисус и как мне это применять? Ну, проходишь, и все детали имеют какой-то второй уровень смысла. То есть они имеют более глубокий духовный смысл. Итак, вот пример, я думаю, это был святой Августин, один из отцов ранней церкви примерно в 4 веке.

Это притча о добром самаритянине. Помните историю: человек идет в Иерихон, его избивают грабители, его бросают умирать. Идет священник и ничего не делает, левит.

Наконец, приходит самаритянин, перевязывает ему раны, отводит его в гостиницу и добровольно платит, пока он не выздоровеет. И вот что сказал святой Августин, отец очень ранней церкви, и как он это истолковал. Он думал, что когда говорится, что некий человек сошел в Иерихон, этот человек означал Адама из Ветхого Завета.

Иерусалим символизировал город мира. Итак, Иерусалим не относился к буквальному городу где-то, он относился просто к городу мира, своего рода более духовному приложению к нему. Символизировал город Иерихон, куда направлялся этот человек, символизировал смертность Адама.

Опять же, вам не обязательно это записывать, я не собираюсь спрашивать вас об этом на тесте. Я мог бы спросить вас, как люди традиционно интерпретировали притчи. Воры, избившие этого человека и бросившие его умирать, символизировали ангелов, дьявола и его демонов, его ангелов.

Интересный. То, что они его избили, означает, что они склонили его на грех. Итак, вы можете видеть, что Августин не интерпретирует подобные вещи буквально, он ищет более глубокий духовный смысл слов.

Тот факт, что они оставили его полумертвым, означает, что этот человек умер духовно, как это сделал Адам, когда согрешил. Вы можете видеть, что многое из

этого имеет параллели с Бытие 1-3. Священник и левит символизируют Ветхий Завет, весь Ветхий Завет.

Самарянин символизирует Христа. Это интересно. Самаритяне, которых, опять-таки, большинство евреев первого века считали бы отвратительными, неприкасаемыми и в некотором роде ненастоящими евреями, и теперь, возможно, это было упущено Св. Августином, потому что он отождествлял самаритянина с Христом, что естественно.

Я имею в виду, что он, очевидно, тот, кто появится на сцене как герой. Тот факт, что он возлил масло на свои раны, масло символизирует надежду и утешение, которое приносит надежда во Христе. Осел, на которого он его посадил, вы видите, что делает Августин, каждая мелочь в притче имеет какое-то духовное значение.

Итак, осел символизирует воплощение Иисуса. Это означает тот факт, что Иоанна 1-14, слово, которое есть Бог, теперь стало плотью, его воплощением, имея в виду тот факт, что он принял человеческую плоть, человеческую природу, физическое тело. Постоялый двор относится к церкви, а постоялый двор, куда он взял избитого человека, которого взял с собой Христос, относится к церкви.

Я не знаю, какая церковь, наверное, вселенская церковь. Деньги, которые он предложил заплатить трактирщику за уход за этим человеком, относятся к жизни будущей, вечной жизни. А трактирщиком был апостол Павел.

Я не знаю, как он это получил, но вы понимаете, что делал Августин. И хотя он делал это в первые века существования церкви, именно такой подход доминировал в том, как мы читаем притчи до XIX века. Итак, это доминировало на протяжении веков.

Каждый, кто прочел бы притчу, сделал бы это. Вы смотрите на притчу, рассматриваете все детали и находите какое-то духовное соответствие чему-то еще в Ветхом и Новом Завете. И снова все до последней детали.

Они это сделали, мы немного поговорили о притче о блудном сыне. Они сделали то же самое. Зарезанный телец, сандалии, надетые на ноги, одежда, перстень — все это имело духовный, какой-то аллегорический духовный смысл.

И опять-таки так относились к притчам до XIX века. Когда немецкий ученый по имени Адольф Юлихер решил, что это не лучший способ читать притчи, и по ряду причин, то, что он сказал, нет-нет, Августин, отцы церкви и история церкви поняли все это неправильно. Притчи не являются детальными аллегориями.

Притчи — это истории, которые сообщают только одну главную мысль, и только одну главную мысль. Итак, ваша задача при толковании притчи состоит не в том, чтобы прочитать ее как аллегорию и выяснить, к чему все относится аллегорически и духовно, а в том, чтобы выяснить, чему учит эта единственная главная мысль. Это доминирующий подход.

Возьмите, сходите в библиотеку, возьмите практически любую книгу о том, как читать Библию, и перейдите в раздел, посвященный притчам, и там вам скажут, что вы должны найти одну главную мысль. Притчи должны были преподавать одну главную мысль. Это исходило от Адольфа Юлихера, немецкого либерального ученого, и он реагировал на то, как Августин и другие интерпретировали притчи на протяжении веков, почти произвольно, чтобы найти в притчах все эти аллегорические детали.

И он сказал: нет, нет, нет, притчи передают только одну главную мысль. Вот что сказал Юлихер. И опять же, это стало своего рода консенсусом.

Однако при многих вещах иногда этот маятник любит раскачиваться в одну крайность и в конце концов возвращаться в центр. Подход, который начинает проявляться сегодня, снова заключается в том, что из этого вытекает, прежде чем я вернусь к маятнику, что цель переводчиков состоит в том, чтобы найти одну основную мысль, которая передается. Какую главную мысль Иисус пытался донести в притчах? Теперь маятник снова начал качнуться, чтобы найти своего рода посредническую позицию.

И это значит понимать, что притчи на самом деле представляют собой краткие аллегорические повествования. Фактически вымышленные рассказы. Притчи, большая часть притч, опять же, хоть и грубоваты в реальной жизни, но это не истории, правдивые истории в том смысле, что они действительно произошли.

Это истории, основанные на жизни, но это просто истории, которые Иисус использует для общения, как это делали раввины, своего рода обычные истории, чтобы рассказать что-то о Царстве Божьем. Вот почему Иисус использует их. Но сейчас признано, что притчи, по сути, действительно являются аллегориями, но не в том смысле, в каком трактовали их святой Августин и другие.

Не каждая мелочь имеет аллегорический смысл. Но вместо этого аллегорическое значение имеют только главные персонажи притч. Смысл должен соответствовать учению Иисуса в контексте, а не тому, что я могу почерпнуть из церковной традиции и остальной части Ветхого Нового Завета.

Оно должно отражать то, чему учил Иисус в данном контексте. Когда я начну с этого контекста, я, надеюсь, смогу найти аллегорический смысл не каждой

детали, а главных героев, главных событий и персонажей притч. На самом деле, вернитесь и прочитайте что-нибудь у Матфея, особенно в 13-й главе.

Обратите внимание, как, к счастью, Иисус интерпретирует Иисуса после того, как тот рассказал притчу. Помните притчу о семенах или сеятеле? Сеятель вышел в поле и рассыпал семена. Некоторые из них упали на твердую землю, и прилетели птицы и подобрали их.

Некоторые упали на землю, а чертополох вырос и заглушил их. Но некоторые упали на добрую почву и принесли плоды. А затем Иисус истолковывает нам эту притчу, и делает это аллегорически.

Он берет основные части этой притчи — сеятеля, семя, а также птиц, пожирающих семя, — и дает им аллегорическое толкование, связанное с Царством Божиим. Теперь позвольте мне привести вам пример. Это 15-я глава Луки, притча о блудном сыне, где явно присутствуют три главных героя этой притчи.

Отец, младший блудный сын, и мы рассматривали его на последнем занятии, когда говорили о Луке, мы говорили о младшем сыне как о персонаже. Итак, я подозреваю, что эта притча будет иметь три значения, или три послания, по одному связанному с каждым из этих главных героев. А как насчет отца, например? Отец, я думаю, никто не согласится, отец явно символизирует Бога.

Я не говорю, что Бог подобен этому отцу во всех отношениях, но он подобен отцу в том, что отец унижает себя, принимая того, кто относился к нему неправильно и неуважительно. Точно так же отец символизирует инсказательно Бога, принимающего грешников, приходящих к нему в покаянии. Совершенно очевидно, что в притче о блудном сыне отец должен стоять на стороне Бога.

Мы уже говорили, что младший сын явно символизирует грешника, обращающегося к Богу за прощением. И потом, старший сын, сказали мы, соответствует кому угодно, особенно во времена Иисуса это были фарисеи. Помните, в 15-й главе Евангелия от Луки, где находится эта притча, Иисус обращается к фарисеям, которые обвиняют его в общении с такими людьми, как грешники и сборщики налогов.

Итак, старший сын, который завидует, потому что отец устраивает вечеринку для младшего сына, старший сын символизирует или представляет любого, кто должен радостно откликаться, когда Бог дарует прощение тому, кто его не заслуживает. Поэтому тот факт, что Бог дарует прощение кающимся грешникам, даже если они этого прощения не заслуживают, должен вызвать отклик радости у народа Божьего. Итак, старший сын снова соответствует тому человеку,

который должен радоваться, когда Бог прощает тех, кто его не заслуживает, таких как мытари, грешники и эти изгои общества.

Однако, как мы видели, окончательный ответ сына не имеет конца. Притча не говорит нам, чем она заканчивается. Теперь, когда вы читаете притчу, нет иносказательного значения ни раба в притче, ни свиней, ни еды, которой сын кормил свиней.

Никакого аллегорического значения не имеет кольцо на пальце, мантия, закалывающая откормленного теленка. Все это просто необходимо, чтобы история работала. Таковы и притчи.

Есть определенное количество информации, которая просто добавляет красок в притчу только потому, что в ней нуждаются истории. Но ведь именно главные персонажи притч получают иносказание, аллегорический смысл. Итак, я призываю вас, пока вы читаете притчи Иисуса, определить, кто являются главными фигурами, а затем, в свете контекста учения Иисуса, что, скорее всего, они говорят? Каков их духовный или аллегорический смысл или значение? Хорошо, в пятницу мы завершим наше обсуждение Евангелий сравнением их друг с другом.

Это доктор Дэйв Мэтьюсон, представляющий историю и литературу Нового Завета, лекцию 11 об Иоанне и притчах.